

15 Poems of Anna Akhmatova

***newly translated by Graham Harrison
(2012-4)***

1

Борису Пастернаку

Как птица, мне ответит эхо.
Б.П.

1

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

2

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьётся путь золотой и крылатый,
Где он вышнею волей храним.

11 июня 1960 Москва. Боткинская больница

For Boris Pasternak

Like a bird, the echo answers me. B.P.

1

A unique voice fell silent yesterday;
our woodland companion has gone his way,
changed into life-giving ears of grain
or – as he liked to sing – into the finest rain.
And all the flowers in all the world
burst into bloom to greet this death;
and suddenly it's quiet on this planet
that bears the modest name of ... Earth.

Note: the "woodland companion" is the nightingale.

2

Like the daughter of Oedipus the Blind,
the Muse brought a seer to his latter end;
and one lime-tree blossomed, crazy,
in that mourning month of May.
Once, at the window opposite yon tree
he told me of a winged, golden pathway
waiting for him, beckoning,
reserved for him by heaven's decree.

11 June 1960, Botkin Hospital, Moscow

2

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.

Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.

Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои –

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

Though it's seldom I think about you
and I'm not enamoured of your fate,
I can't erase the mark made in my soul
that indifferent occasion we met.

On purpose I pass by your red house,
your red house beside the dark river,
and I know that I'm troubling your life in the sun
and setting your peace all a-quiver.

And though it's not you who bent over my lips
praying for love's embrace;
and though it's not you who rendered immortal
my torments in golden verse --

I cast spells in secret on what is to be
whenever the evening's pure blue;
and I sense that a second meeting there'll be,
an inevitable meeting with you.

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый, --
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

Along that road where brave Donskoi
once led his mighty host to war,
where the wind's mindful of the foe,
the moon's a crescent of yellow,
I walked as if in ocean deep...
The sweet briar so perfumed the air
as if 't were speech itself so rare;
and I was apt at last to meet
the ninth and fatal wave of fate.

4

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь, бог с тобой!

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь – я не стою
Одной слезы твоей.

Cast-iron railings,
a bed of pine.
And jealousy?
So sweet it's gone.

With sobs and prayers
my bed was made.
Walk at will now,
God at your side!

Your ears not stung
by ranting words.
No candle-burning
until the dawn.

We won our peace:
clear days and dear.
You're weeping? – I'm
not worth a tear.

5

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетание стрекоз.

Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнаю по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернёт свою добычу сам.

Delightful, after all the wind and frost
to warm myself beside the fire;
but there I failed to guard my heart
and someone stole it in desire.

The New Year celebrations linger,
the roses' stems are soft and moist;
but in my breast no longer sings
the whirring of dragonflies' wings.

O, it's not hard to guess the thief:
I knew him straightway by his eyes.
My fear is that he'll come back soon
and return his purloined prize.

6

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или чёрный плот? –
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придёт.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его ещё смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать? Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

1936

Did he send no swan for me,
did he send no boat, no dark raft?
He promised in the spring of 'sixteen
that he would come without delay.
I'd fly to him like a bird in the spring
of nineteen sixteen, he said.
Through darkness and death I'd come to his perch
and touch his shoulder with my wing.
His laughing eyes still haunt me;
the sixteenth spring has come and gone.
What can I do? The midnight angel
debates with me until dawn.

1936

Вечер

Молюсь оконному лучу –
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце – пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь.

Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

Evening

I pray to the slender shaft of light
that pierces the window, pale and straight.
Since morning I have not spoken;
today my heart in two is broken.
The shiny brass on my wash-stand
has turned to verdigris of late.

Yet the light that plays upon it
is a gladness to behold.
So simple it is and innocent
in the evening quiet;
and in this empty shrine
it furnishes me with a space of gold
and consolation.

8

Во сне

Чёрную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь?
Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

1946

In Dreams

We suffer equally this parting:
It is dark, and it is lasting.
Why weep? Give me your hand
Promise to come again in dreamland.
You and I are like grief upon dearest grief...
In this world, for us, there can be no meeting.
Just send me in the small hours,
via the stars,
A greeting.

1946

Бессонница

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белой завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

Insomnia

I hear caterwauling somewhere,
Distant footfalls echo in the night.
A fine lullaby to me you left!
The third month, this, since last I slept.

You're with me once again, insomnia,
Your iron face closer than anything;
Beauty, lawless beauty that you are,
Really, don't you like the way I sing?

Windows draped in white, diffuse
twilight with a spreading haze of blue...
Are we consoled by news from far away?
And why am I so light of heart with you?

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Справлена чистая тризна,
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро свержится чудо?
Так тяжёлую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

Like the fifth act of a play
the park breathes autumn air;
every flower-bed
recalls a fresh grave.
A meal concludes the funeral;
there's nothing left to do.
Why then do I delay?
Am I waiting for a miracle?
Yes, for a frail hand
can detain a heavy boat at the quay,
bidding farewell to one who must stay
on dry land.

Музе

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд её ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! Ты видишь, как счастливы все—
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок.»

To my Muse

My Sister, my Muse, looked into my face,
her glance both sharp and clear;
and she took away my golden ring,
Spring's first present of the year.

O Muse! You can see how happy they are,
the girls, the women and widows...
I would rather be broken on the wheel
than carry these fetters.

I break off the daisy's tender head,
seeking the flowery portent;
and I know that everyone on this earth
has to endure love's torment.

I set a light in the window till dawn,
though there's absolutely no one I'm missing.
But the truth is I just don't want to know
that there's anyone else he's kissing.

Tomorrow the smirking mirrors will tell me:
“Neither sharp nor clear are your eyes.”
I shall whisper: “She took all I had:
my heavenly prize.”

Одни глядятся в ласковые взоры
 Другие пьют до солнечных лучей,
 А я всю ночь веду переговоры
 С неукротимой совестью своей.

Я говорю: «Твоё несу я бремя
 Тяжёлое, ты знаешь, сколько лет.»
 Но для неё не существует время,
 И для неё пространства в мире нет.

И снова чёрный масленичный вечер,
 Зловещий парк, неспешный бег коня,
 И полный счастья и веселья ветер,
 С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
 Стоит свидетель... о, туда, туда
 По древней подкапризовой дороге,
 Где лебеди и мёртвая вода.

1936

Some spend the time exchanging fond glances,
 others drink on till the first rays of sun;
 all night I'm making retreats and advances,
 conscience and I in a battle not won.

I say, "How long have I carried your yoke,
 a dead weight on my back all those years!"
 But conscience has simply no notion of time,
 knows nothing of earthly abysses and fears.

Carnival time: and that ride in the dark;
 the trot of the horse through the sinister park.
 And the wind full of bliss, the wind full of joy
 wafting down from the dizzying sky.

Above me the crescent moon stands witness;
 quietly it watches, and—O! that I were
 on the road that leads by the ancient cypress,
 where swans float on the motionless mere!

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.

Why did you pollute the water,
with vileness adulterate my bread?
Why did you make the final freedom
into a den of thieves instead?
Was it because I did not mock
the bitter fate of friends?
Was it because I'd not betrayed
my piteous native land?
So be it. There can be no poet
without a butcher and a butcher's block.
Weeping we go, with guttering candle,
garbed in penitential smock.

Широк и жёлт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но всё-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди весёлыми глазами:
Вот эта синняя тетрадь --
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

Wide and yellow the evening light.
I feel a gentle April chill.
Your coming's late by many a year
but to me you're welcome still.

Look at me with those merry eyes;
sit down next to me this minute:
here's that blue-bound notebook
with my girlish verses in it.

Forgive me for living like a hermit,
for not delighting in the sun.
Forgive my taking so many others
when—you know—you were the one.

15

Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься – о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.

Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мёртвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твоё изнеможенье и позор?

1921

Bitter woman,
you speak of things to come;
your arms hang limp,
a lock of hair sticks to your bloodless brow.
You smile, and – o, those rosy lips
enticed many a bee for honeyed sips
and dazzled many a butterfly!

Your moon-eyes shine,
your gaze is bent on things afar.
And is your gentle chiding
for a man now dead?
Or do you grant pardon to the living for
your weariness
and for the shame upon your head?

1921